

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Василевич, А.П. Каталог названий цвета в русском языке / А.П. Василевич [и др.], под ред. А.П. Василевича. – М.: Изд-во «Смысл», 2014. – 216 с.
3. Летова, А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.М. Летова; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2012. – 22 с.
4. Паустовский, К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. / К.Г. Паустовский. – М.: Худож. лит., 1980–1986. – Т. 1: Романы и повести, 1981. – 623 с.; Т. 2: Роман и повести, 1981. – 615 с.; Т. 3: Повести, 1982. – 687 с.; Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3, 1982. – 734 с.; Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6, 1982. – 591 с.; Т. 6: Рассказы, 1983. – 623 с.
5. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I: От стимула к реакции. 2002. – 784 с.; Т. II: От стимула к реакции. 2002. – 992 с.
6. Харченко, В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское / В.К. Харченко. – М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2009. – 532 с.

ЛАБИРИНТЫ ПОЭТИЧЕСКИХ МИРОВ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА И МАРКА ШАГАЛА

LABYRINTHS OF THE POETIC WORLDS OF VENEDICT YEROFEEV AND MARK SHAGALL

T. E. Трощинская-Стенушина

T. Troshchynskaya-Stepushyna

Средняя школа № 4 г. Витебска
Витебск, Беларусь

High school № 4 of Vitebsk
Vitebsk, Belarus

e-mail: astrid_2000@tut.by

В данной статье приводятся результаты работы, посвященной исследованию лабиринтов творчества М. Шагала и В. Ерофеева – двух выдающихся деятелей искусства XX в. Выдвигается и доказывается гипотеза о наличии возможных сцеплений – точек соприкосновения, которые позволяют говорить об общности лабиринтов их жизненных и творческих судеб. При сравнении жизни и творчества Ерофеева и Шагала в качестве точек соприкосновения рассматриваются ассоциативно-семантические узлы как средоточие объединяющих смыслов.

Ключевые слова: Ерофеев; Шагал; точки соприкосновения.

The article presents the results of a work devoted to the study of the labyrinths of creativity of M. Chagall and V. Erofeev – two prominent artists of

the XX century. A hypothesis is put forward and proved that there are possible linkages – points of contact that allow us to talk about the common labyrinths of their life and creative destinies. Comparing the life and work of Erofeev and Chagall, associative-semantic nodes are considered as points of contact as the center of unifying meanings.

Keywords: Erofeev; Chagall; points of contact.

Исследователи постмодернизма отмечают, что сегодня прежняя система ценностей рассеивается, истина становится размытой, а попытки ее найти похожи на блуждание в лабиринте. Идея постмодернизма, совмещающая в себе истинное и ложное, правду и вымысел, находит свое непосредственное отражение в современной культуре. Понятно, что и литература, и живопись этого направления пестрит многочисленными лабиринтами, со свойственными ему архетипами и мифологическим контекстом. Само слово «лабиринт» подразумевает Лабиринт Крита. Максимальная «неконкретность» свидетельств о нем, передающих лишь состояние помещенного внутрь конструкции тела, является по существу квинтэссенцией «лабиринтности» и указывает, что древние воспринимали это строение как нечто, соответствующее своему предназначению, – запутывая, направить на путь истинный. По мнению ученых, лабиринт как явление культуры оказывает огромное влияние на сознание человека. Исследование категории лабиринта с позиций истории, философии, социальной психологии имеет важное научно-практическое значение для современной культуры.

Марк Шагал. Художник с мировым именем, чья жизнь волей многих обстоятельств разделилась между Витебском и Парижем, между Россией и Францией. Родившись в маленьком провинциальном Витебске в бедной еврейской семье, впоследствии изгнанник, эмигрант, он стоял у истоков художественного авангарда. Автор тысяч полотен, десятков мозаик и фресок, первый художник, удостоенный при жизни чести персональной выставки в Лувре, благополучный и обеспеченный «давно француз», обласканный правительствами десятков стран, не доживший двух лет до столетнего юбилея, – Шагал. И Erofeev. Самородок из богом забытых мест. Умница, эрудит, бунтарь и клоун в костюме аллюзий, вечный странник, бесприютная душа, великий талант и великий эгоцентрик, вокруг которого вращался его собственный мир. Годами живший чем бог пошлет, много и страшно пьющий, однажды Erofeev будто шутя взорвёт каноны литературы своей «великой и ужасной» поэмой, и среди его поклонников окажутся и деятели науки и искусства, и интеллигенты, и простые работяги.

Оригинальный в творчестве, Шагал, не отличаясь эксцентричным поведением в жизни, был безумен в другом: следовал зову своего серд-

ца. Возможно, он страдал тем, что сегодня принято называть «трудоголизмом». Его плодотворность потрясает: тысячи полотен, иллюстрации, фрески, мозаика, панно, росписи храмов, книга мемуаров, стихи, очерки, эпистолярное наследие. Внутренняя эксцентричность, оригинальность Ерофеева также не проявлялась в его поведении: говорили, что он стремился быть лёгким и остроумным, а не провокационным: «...Все мы, друзья молодости, любили его не как знаменитого писателя, а как необычайно притягательного человека, – вспоминала Л. Любчикова. – Мы очень чувствовали его значительность, он был для нас значителен сам по себе, без своих писаний» [цит. по: 1].

Ерофеев категорически отказывался включаться в любую общественную структуру: учиться, иметь дом, семью, работу (до женитьбы на Г. Носовой): «Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. На каждую ступеньку по плевку» [1, с. 141]. Для людей, не знавших его близко, такая позиция казалась, конечно, не просто непривычной – безумной. «Сумасшедшим можно быть в любое время», – сказал он в одном из своих интервью [1, с. 166]. И, действительно, тема безумия красной нитью проходит через всё его творчество. В пьесе «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» действие происходит в сумасшедшем доме; одно из его первых написанных произведений, по собственному признанию писателя, «самое объёмное и нелепое из написанного», носит название «Записки психопата». Речь, разумеется, не о диагнозе. По мысли семиотиков, смысл текста – «потаянная травма». У Ерофеева травм было множество, и самые страшные из детства. Он родился в октябре 1938 г. и был младшим из шести детей домохозяйки Анны Андреевны (Гущиной) и Василия Васильевича Ерофеева – начальника железнодорожной станции Чупа Лоухского района Карельской АССР. По воспоминаниям старшей сестры Тамары, Веня – «всеобщий любимец. Даже *очень строгая* мама называла его ласково Венушка» [4, с. 4]. В июле 1941 г. при переезде в родную Елшанку, посёлок неподалёку от Сызрани, Веня заболел и чуть не умер. Поправился, но рос тихим и замкнутым мальчиком, рано научился писать и читать. Обладая прекрасной памятью, легко учился за двоих, обеспечивая себя и брата Бориса одними «пятёрками». В 1945 г. по доносу осуждают отца, чуть позже уезжает в Москву на заработки мать, дети оказываются в детском доме, откуда их забирают только через пять лет.

Таким образом, исторические катаклизмы, семейные драмы, брошенность и, как следствие, психологическая травматизация – всё это послужило основой для «программирования» личности Ерофеева на самоуничтожение – алкогольной зависимости и ранней смерти.

Детство М. Шагала на этом фоне выглядит гораздо более благополучным, даже несмотря на то, что он родился в маленьком Витебске в очень бедной еврейской семье грузчика. Отца, вечно угрюмого, уставшего от своей беспросветной жизни, любить было трудно, зато мать он обожал: *Мать рассматривает картину. Господи, какие у нее глаза!* [5]. И она очень любила своего Мошку. Говоря о травме рождения, нужно сказать, что Шагалу пришлось испытать не одно потрясение при появлении на свет. Он едва не сгорел, даже не родившись: когда у матери начались схватки, случился пожар и роженицу выносили из дома на кровати. Позже он говорил, что прошел огненное крещение, и, возможно, именно этот случай оставил след на картине «Горящий дом» (1913 г.). Но любящая, принимающая мать, множество родственников, создающих ощущение тыла и стабильности, семейные и религиозные традиции, жизнь в собственном (пусть небогатом) доме, на природе, в окружении животных – всё это нивелировало столь драматичное появление на свет будущего художника. Ранние воспоминания, связанные с домом, согревали в минуты тяжёлых испытаний и послужили неиссякаемым источником творческого горения: *«Если мое искусство не играло никакой роли в жизни моих родных, то их жизнь и их поступки, напротив, сильно повлияли на мое искусство»* [5]. Неразрывная связь с семьей и родиной, принадлежность к еврейской культуре, знание и использование нескольких языков, верность своему пути в искусстве и, конечно, любовь к жизни – вот то, что формировало личность Шагала.

Каковы же истоки творчества Ерофеева? С детства он отличался незаурядным интеллектом и любовью к литературному слову. По окончании школы единственный из 10-и классов на параллели получил золотую медаль, которая дала ему возможность поступить в МГУ без экзаменов, по собеседованию, которое он прошёл блестяще. Так же блестяще он проучился первый семестр, сдав первую сессию на «пятёрки». Однако вскоре любовь к весёлым компаниям и непозволительным тогда розыгрышам (напр., стихотворное издевательство над З. Космодемьянской) привели к тому, что его отчисляют сначала из МГУ, а затем еще из трёх вузов Подмосковья, в которые он поступал, повергая приёмные комиссии в шок своими познаниями в литературе. Нужно отметить, что, кроме литературы, Ерофеев прекрасно разбирался в музыке, античной философии (особенно любил Аристотеля), знал латынь, учил немецкий, читал (но не увлекался) почти неизвестного тогда в Советском Союзе основоположника психоанализа. Шутил по этому поводу: *«Здоровый по Фрейдю человек не иначе как матрос»* [1, с. 332]. В юности на будущего писателя оказали серьезное влияние Ф. Ницше и В. Розанов (см. эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика»). Из современников с самым

большим почтением он говорил об учёном-филологе, историке культуры С. Аверинцеве: «Самый умный человек в России» [1, с. 252].

Он был серьезным профессионалом в своём подходе к литературе и в то же время писал «как есть». Источником творчества для него была сама жизнь. Его жизнь как она есть. Ещё М. Бахтин считал, что большое произведение рождается на границах «эстетического», совсем рядом с «жизнью». При этом нахождение им собственной манеры письма многие исследователи (О. Лекманов, М. Свердлов и др.) называют чудом: пусть сверходарённый, но все же дилетант стремительно преобразился в одного из лучших прозаиков современной ему России.

Таким образом, истоки Ерофеева и Шагала при всей их различности, имеют и общие черты, если рассматривать их с философско-метафизических позиций: разные травмы (при общей травме рождения, усугублённой у Шагала драматическими обстоятельствами пожара и др.) способствовали рождению общих в их творчестве черт *абсурдности, карнавальности, фантазийности* и, в конечном счете, привели обоих к успеху.

Отдельно необходимо остановиться на теме религии, которая оказала значительное влияние на творчество и Шагала, и Ерофеева. Многим казалась удивительной неистовая набожность Шагала, ведь чаще всего художники авангарда были атеистами, в то время как у Шагала религия и авангард сочетаются. Религиозность была у Шагала в крови, ведь он родился в очень верующей семье, где все хорошо знали Библию и заповеди, ходили в синагогу. Вот что пишет сам Шагал в книге «Моя жизнь»: «Знали бы вы, как я млею от восторга, стоя в синагоге рядом с дедом. Сколько мне, бедному, приходилось проталкиваться, прежде чем я мог туда добраться!.. Начинается богослужение, и деда приглашают прочитать молитву перед алтарем. Чтобы описать вечернюю молитву, у меня не хватит слов...» [5]. Вера в еврейском понимании, Ветхий Завет – родная среда для Марка Шагала. Пророки с его картин часто выглядят так же, как и старики из родного местечка. Он ощущал их как своих кровных родственников: это его история, его род. Библия стала книгой, которая сопровождала художника всю жизнь. «С ранней юности я был очарован Библией», – сказал он на открытии музея «Библейское послание» в Ницце. – «Мне всегда казалось и кажется сейчас, что эта книга является самым большим источником поэзии всех времен...» [5]. Это жизнелюбие, даже восторг перед жизнью отличает его от многих художников XX в., которые очень часто изображали трагедии, негативные стороны мира. И хотя на картинах Шагала тоже есть трагические образы, основной мотив его творчества – любовь и свобода, радость и красота. Библейские образы рождаются как бы с самим искус-

ством Шагала. Язык Марка Шагала славит весь Божий мир, и эта радость и принятие бытия со всеми его драмами и трагедиями прослеживаются и в тех работах, где нет библейского сюжета. Поэтому многие искусствоведы считают, что творчество Шагала нельзя воспринимать вне религиозного контекста, более того – рассматривают его как своеобразное библейское послание в самом широком смысле (Н. Апчинская, И. Языкова и др.).

Религиозные чувства Ерофеева были гораздо более противоречивы. Конечно, ни о каком религиозном воспитании ребёнка, родившегося в Советском Союзе в 1939 г., речи и быть не могло. Однако Ерофеев атеистом не был, возможно, благодаря любимой тётке Авдотье Андреевне Карякиной. По словам, Т. Гущиной, она «была человеком необычайной доброты. Вена, когда жил в Москве, часто заглядывал к тётке Дуняше. Тётушка была очень верующей, и, возможно, не без её влияния Вена стал интересоваться вопросами религии» [4, с. 18]. Необходимо отметить ещё, что, по свидетельству Т. Гущиной, их «дед по материнской линии Андрей Прокофьевич был псаломщиком в сельской церкви» [4, с. 5]. В ранней юности прочитав Библию, Ерофеев назвал её главной книгой человечества. При этом о его религиозных чувствах О. Седакова высказывалась так: «Насколько я помню, Вене всегда хватало его личной веры. Когда люди, окружающие его, становились правильными, крестились в церкви, обращались в православие, он над этим только посмеивался <...> Он говорил мне: “Когда будет уж совсем паршиво, тогда и крещусь”» [2].

Стал ли Ерофеев после крещения ближе к Богу? Был ли он верующим? Однозначно на эти вопросы ответить трудно. Представляется, что он был ближе к самой евангельской истории, чем многие из тех, кто ведет «нормальную церковную жизнь». Темы жалости, милости к падшим, бесконечного терпения, даже уничтожения были ему близки. И его Веничка, как отмечает, И. Сухих, – «божий человек, не желающий обидеть любой, самой малой твари, готовый, как Франциск Ассизский, проповедовать даже птицам» [3]. Интересно, что первая официальная публикация поэмы «Москва – Петушки» состоялась в 1973 г. в иерусалимском журнале «АМИ». Микропленку машинописного текста удалось переправить в Иерусалим с одним из отъезжающих знакомых. Библейские мотивы в поэме Ерофеева отмечают многие. Б. Гаспаров и И. Паперно в своей статье «Встань и иди», вышедшей до официальной публикации поэмы и посвящённой исследованию соотношения её текста с Библией и творчеством Ф. Достоевского, говорят о «евангельском субстрате» «Петушков».

Как видим, несмотря на несхожесть путей, по которым Ерофеев и Шагал пришли к вере, на разницу во многом – в возрасте, воспитании, стране проживания и – вероисповедании, в жизни обоих художников тема религии играла важную роль, служила для них мерилom духовности и нравственности, источником вдохновения и утешения.

Итак, русский писатель Венедикт Ерофеев и французский художник белорусско-еврейского происхождения Марк Шагал. Каждая из этих потрясающих судеб – своеобразный лабиринт, хранящий коды культурной памяти своего народа, своей семьи. Подчеркивая некую общность этих судеб-лабиринтов, существовавших в разные культурные периоды, отметим их мифологичность. А.Ф. Лосев, исследуя русское коллективное бессознательное, писал о том, что в России мифы всегда были реальнее действительности, а русская душа по природе своей склонна к созданию иллюзорной, мифологической реальности. Мир обоих художников просто не мог не быть пропитан мифом, занимавшим исключительно важное, структурообразующее место в их творчестве. Думается, что эта мысль имеет огромное значение для постижения философской сути их творчества. Как писал в связи с этим А.Ф. Лосев, «миф и есть разноцветная радуга единого и нераздельного светового луча истины и разума». Иными словами, истина – ровный луч солнца, миф – тот же луч, но как бы преломившийся «сквозь призму» и приобретший от этого самые разнообразные оттенки. Итак, понятийный аппарат логики оказывается немощен по сравнению с интуицией, мгновенные откровения которой способны создавать новый поэтический мир.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что точками соприкосновения, образующими сцепления, позволяющие говорить об общности лабиринтов судеб Ерофеева и Шагала являются следующие основные детерминанты: истоки, которые определили творческий / драматический вектор жизни; дар как главный залог и потенциал творчества обоих художников; «сумасшествие» – оригинальное, самобытное проявление собственной мощной индивидуальности; вера как мощный нравственный и духовный ориентир, как утешение и вдохновение; мифологичность – свойство создавать метаиллюзорный поэтический мир как новую, постмодернистскую реальность, полную метафор и смыслов. Однако цементирующей субстанцией всех этих сцеплений является такой концепт, как свобода – качество, без которого все перечисленные точки соприкосновения в судьбах-лабиринтах двух художников лишаются смысла, ведь только по-настоящему свободные люди, упрямо идущие по выбранному пути, открывают новые пути в искусстве, как Шагал – авангарду, Ерофеев – постмодернизму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ерофеев, В. Мой очень жизненный путь / В. Ерофеев. – М.: Вагриус, 2008. – 624 с.
2. Лекманов, О. и др. Венедикт Ерофеев: последние годы жизни / О. Лекманов и др. [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://textura.club/venedikt-erofeev>. – Дата доступа: 21.07.2019.
3. Сухих, И. Заблудившаяся электричка [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/12/suhih.html>. – Дата доступа: 19.12.2019.
4. Хибины – Москва – Петушки. Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева / под. ред. В. Э. Берлина. – Живая Арктика. – № 1. – 2005. – 148 с.
5. Шагал, М. Моя жизнь / М. Шагал [Электронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа: http://lib.ru/MEMUARY/SHAGAL/my_life.txt. – Дата доступа: 22.11.2019.